

сточную железную дорогу. Обсуждение Лигу Наций доклада комиссии Литтона совпадает по времени с переговорами между Соединенными Штатами и европейскими странами по вопросу о междугосударственных долгах. Надо полагать, что быть может не сразу, а после длительного и тяжелого торга, но Соединенные Штаты добьются серьезного дипломатического поражения Японии.

Вот эта то перспектива не может не беспокоить японские правящие круги. Что предпринять, если международная изоляция Японии станет свершившимся фактом? Реакция как общественного мнения, так и широких кругов армии или по крайней мере ее офицерского состава, будет крайне болезненной. Если бы обладание Манчжурией оказалось чудесным и быстро действующим целебным бальзамом для японского народного хозяйства, то стоило бы попытаться просто замкнуться в суровом одиночестве, чтобы, укрывшись экономические и социальные язвы, вернуться на международную арену омоложенным Фаустом, гордым своей силой. Но для такого исцеления надо было бы овладеть не Манчжурией, но всей долиной Яндзы, с Шанхаем и Ханькоу и не просто овладеть военным ударом, но владеть в спокойной обстановке, позволяющей привлечь к делу международный кредит. Однако, этого не дано. Между тем внутреннее положение Японии не улучшается, расстройство хозяйственной жизни все сильнее выражается в напряжении социальных отношений, повышенный тонус политических

чувствований неизбежно должен не замедлять, но звучать все яростнее. Движения в армии, «датунизм» и т. д. — все это, как и неожиданно-агрессивная позиция такого безукоризненно-либерального органа печати, как «Асахи», отражает все тот же процесс непрерывно нарастающего социального беспокойства. И если Япония должна будет покинуть Лигу Наций, то это обстоятельство вместе с неизбежным параллельным разочарованием в экономических результатах овладения Манчжурией, толкнет правительство на новые шаги и в новом направлении. Придется, стало быть, как то иначе и активно реагировать на дипломатическое поражение, т. е. сделать новый резкий жест, чтобы дать раздраженной и ежечасно все более разоряющейся стране какую то иллюзию удовлетворения. Такой жест — военный, разумеется — возможен в сторону как севера, так и юга. Но первый, даже в случае успеха, обещает только прибавить территории с трудностями неизмеримо горшими, чем в Манчжурии, а второй скоро привел бы от международной изоляции к торговой, а затем и военной блокаде Японии. Есть над чем призадуматься.

Ключ к положению в отношениях между Соединенными Штатами с одной стороны и Англией и Францией — с другой. К тому, как они сложатся, Япония вынуждена прислушиваться с напряженным вниманием. И ближайшие судьбы Манчжурии решатся скорее на берегах Атлантического, чем Тихого океана.

10/ХП. Прага.

Г. Танасов.

МАХАТМА ГАНДИ

В Индии война и революция. Она началась давно, почти непосредственно вслед за русской революцией 1905 года. Так что сейчас уже не парадокс, что Цусима для Англии может оказаться более чувствительной раной, чем была она для России. Цусима в глазах Востока осталась символом поражения не только русских, но вообще всех «белых чертей», всей «белой расы»; теперь же,

благодаря политике большевиков и в меньшей степени благодаря политике «государственных людей» современной Европы и Америки, русские перестали быть в глазах Востока «белой расой». Эта условная «белизна» утеряна ими в портах Гонконга и Шанхая, в паровозных трюмах для «цветнокожих», где русские эмигранты делили и труд, и досуг с китайскими «кули» и афри-

канскими неграми. И вот в трехмиллиардном «цветном» мире русские, смыв с себя свою гордую «белизну», постепенно стали не только равными, но и «первыми». И это «первенство» нам следует принять, как одно из главных, хотя и невольных, «завоеваний революции». Вспомним, что и Цезарь когда-то предпочел первенство в деревне второму месту в Риме и для России будет очень, очень печально, если в попытках вернуться на задворки Европы, она потеряет свое новое, столь ответственное, первенство, приобретенное ценой крови, пота и страданий.

Коммунисты со своей стороны уже постепенно его теряют. Захватив это первенство миражем величия силы воли и духа, перед которыми всегда преклонялся Восток, мессианством освободительных идей и грандиозностью планов миростроительства, они позорно быстро стали падать с этих высот в трусливую тиранию слабости и подлости, слишком хорошо известную Востоку и слишком им презираемую. То, что остается еще от преклонения перед ленинской фатаморганой тает перед фактами глупой, обреченной политики «безбожья», — органически неприемлемой ни для России, ни для Востока. Мне часто приходилось говорить на заводах с рабочими арабами, индусами, китайцами и персами — и я видел, как неизбежно всякий раз останавливалось на этой грани их влечение к коммунизму, за которой они каким-то своим инстинктивным чутьем угадывали не начало новой счастливой жизни, а все тот же мертвящий, убийственный для них оскал западного материализма. Интересно, что эту антирелигиозную политику СССР они считают позднейшей, и им кажется кощунством приписывать ее Ленину.

Теперь глаза их невольно отрываются от Москвы и обращаются к Дели. Там полунагой, истощенный старик, одинокий в тюрьме, ведет упорный бой за свободу своей родины с могущественной европейской державой и направляет величайшую социальную революцию, освобождает от унижения и гнета шестидесятимиллионный обездолен-

ный класс населения. Новые граждане, вчерашние парии и нечистые, входят как равноправные в новый гражданский и политический строй страны, возрождаемой на основах примата духа над материей, идеи над силой.

Победа Ганди над Англией, ради которой сейчас так же слепо работают коммунисты, как некогда работала Англия над подготовкой Цусимы, — может оказаться одинаково роковой, как для советских верхов, так и для английского могущества.

Тогда Восток окончательно уйдет от Москвы к Дели, от Сталина к Ганди — а Европа будет все так же трусливо искать новых пактов, но уже не с СССР.

Место, которое Россия безмерными страданиями и унижениями приобрела на Востоке, может быть легко утеряно. С задворков Европы она может быть отброшена, благодаря глупости, невежеству, материалистической косности ее теперешних вождей... на задворки Азии.

А это была бы уже не только духовная, культурная летаргия русского народа, как сейчас, — но и действительная физическая его смерть, материальное разложение, которое, по законам естества, неизбежно следует за духовною смертию...

Имя Ганди — известно всем, но мало кто отдаст себе отчет в его связанности с судьбою России.

Ганди — чистокровный индус и по крови и по духу. Таков он для Индии; для нас же, русских, он интересен еще и тем, что является как бы действительным воплощением идей Льва Николаевича Толстого, как бы продолжением его в иной, не совсем понятной для нас, обстановке индийского Востока.

Теперь, кажется, уже ясно всем, что в России и в Европе толстовство было и остается чистой утопией, и, надо сознаться, утопией вредной. Оно способствовало тому, что разрушительные идеи встретили разрыхленную почву, на которой не могло базироваться никакое сопротивление. В конечном итоге «непротивление злу» вылилось в пассивное «прятие зла», а в дальнейшем да-

же в столь же пассивное «способствование злу».

Половинчатое приятие толстовских идей Россией может, до некоторой степени, быть объяснено половинчатостью их вдохновителя. Толстой моралист, философ и ересиарх, загорающийся при каждом упоминании о Востоке, никогда не победил в себе представителя нашей западной аристократии, графа Льва Николаевича, добродушного яснополянского помещика, одинаково любящего и цыганские песни, и душеспасительные разговоры с игуменом соседнего монастыря.

Ганди, конечно, не сравним с Толстым ни по силе, ни по красоте, ни по логичности мысли, но он натура **цельная** и в этом его несомненное превосходство в сфере активности. Другим источником силы является у Ганди его **активная религиозность**, совершенно отсутствовавшая у Толстого. Религия у Ганди — реальность, у Толстого — идеология. У обоих она — синтезообразная смесь представлений Христианства и учений Средней Азии, но Толстой **нисходит** с непостижимых им мистических высот христианства в дохристианские предчувствия Азии. В этом его **падение**, если не осознанное им, то интуитивно чувствуемое, приведшее его на пороге смерти к порогу Почаевского монастыря. Ганди, наоборот, **восходит** в своем индуизме к новой идее, из которой он вмещает все, что может вместить и воплощает в жизнь все, что может воплотить. Принимая идеи Толстовского Христианства, Ганди остается стопроцентным индусом. Индуизм — религия синкретизма, гостеприим-

но принимающая в свой пантеон всевозможных богов. Ганди вполне законно для своей религии ставит Христа синкретически в ряд многих других пророков, через которых и в которых Божество открывается миру. Христос для него новая форма, новая идея безграничного добра и любви и отсутствия насилия. Новый этический порядок, которому надо следовать, и которому он следует до полного, по его мнению, подражания в любви и страдании. В отношении к Индии, в которую он влюблен, он стремится сознательно уподобиться Христу «пострадать за грехи своего народа», «искупив их».

Таким образом Ганди, приняв этически, эстетически и морально христианство Нагорной Проповеди в толковании Толстого (которого он считал своим учителем и с которым был в 1908-1910 г.г. в переписке) не только не становится половинчатым, полувосточным, «евразийцем», — но наоборот, становится лишь более цельным и лучшим индусом. В нужную минуту он находит силу сбросить с себя даже видимость европейца (будучи по образованию лондонским юристом и адвокатом), сбросить, все, до последней нитки европейской одежды, и, голый, в собственноручно сделанной повязке вокруг бедер, является в глазах Индии и Востока глубочайшим воплощением идеи национального роста освобождающихся народов. Голый стоит он один против всей Англии, против ее штыков, пулеметов, орудий, против ее губернаторов, солдат и тюремных сторожей — и побеждает их... силою Духа.

В. Зубов.

НОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Российская Революция поставила перед миром поистине мировые проблемы. И Европе их не обойти. Проявляясь в разных формах, российская революция уже стала явлением мировым.

По всему свету разбросаны очаги ее жалких подражателей — местные компартии. — Появились и другие течения, — самостоя-

тельные — из которых одни уже теперь думают о том, что будет после революции, другие — как бы эту революцию миновать, похитив из ее арсенала самые сильные, сознательно-взрывчатые идеи, пытаясь направить их по иному пути.

Русским людям пореволюционного сознания надо быть в курсе этих исканий и по-